

При разработке осенью 2014 года маршрута 3-й Западно-Гималайской экспедиции СПбСУ нам попались довольно скудные сведения о том, что на северо-западе бывшего королевства Ладак находится селение, где до сих пор обособленно живут арии, чьи предки некогда пришли сюда с далекого севера. Эта горная деревушка, спрятанная в одном из ущелий верхнего течения реки Инд, привлекает внимание востоковедов со второй половины XIX века. В 1930-е годы нацистские идеологи в поисках потомков древних арийцев даже организовали туда экспедицию.

В 1970-е годы индийское правительство ограничило въезд туристов в этот район, чтобы сохранить его культурную аутентичность и предотвратить посещение немецкими неонацистами. Запрет действовал до 1993 года [1].

При обсуждении деталей маршрута с нашим партнером в столице Ладака городе Лех (Leh) выяснилось, что для посещения арийской деревни необходимо получить специальное разрешение. Дорога, не всегда обозначенная даже на современных туристических картах, проходит недалеко от так называемой линии прекращения огня, или линии контроля (по соглашению 1972 года), которая фактически является сегодняшней границей между Индией и Пакистаном. К северу от нее лежат обширные спорные территории высокогорных областей Гилгит и Балтистан. В результате вооруженных столкновений эти земли отошли к Пакистану, но Индия считает их своими.

В Лехе нас предупредили, что дорога будет непростой: она идет вне обычных туристических маршрутов, там нет придорожных закусок (dhaba) и отелей. Таким образом, к вечеру мы должны были обязательно оказаться в городке Каргиле (Kargil), что существенно ограничивало нас во времени и не оставляло возможности делать сколько-нибудь длительные исследовательские остановки в ходе поездки.

В солнечный полдень 29 июня мы покинули оазис Ламаюру (Lamayuru) с его старинным монастырем, множеством чортенов и «лунными» холмами. Нам предстояло довольно дальний путь по долине верхнего Инда между Ладакским и Занскарским хребтами. Для нас это был новый маршрут, и мы были готовы к различным неожиданностям.

Возле старинного селения Кхалце (Khaltse, Khalatse, 3443 м), сразу за очередным полицейским постом, дорога повернула на северо-запад и в течение нескольких часов шла вдоль мрачных теснин Инда. На этом участке знаменитая река (Indus River), давшая название огромной стране (Индия), ее населению («индусы») и одной из мировых религий (индуизм), смотрелась столько же скромно, сколь и сурово.

Ширина ее русла здесь невелика, всего от 25 до 65 м, но мощный пенящийся поток, с шумом пробивающийся сквозь ущелья и каньоны, выглядел устрашающе. С трудом верилось, что, вырвавшись из цепких клещей холодных Гималаев и разлившись среди жарких равнин Индостана, эта неукротимая река на своих плодородных берегах приютила некогда первые очаги исчезнувших цивилизаций.

По обеим сторонам долины Инда, но чаще по правому (ладакскому) берегу в Инд впадают бурные речки. При их устьях, среди зелени топей и раки, видны ступы, моленные колеса; вразброс, иногда весьма высоко, стоят глинобитные дома с кучами хвороста на плоских крышах. Здесь и там через реку переброшены небольшие мосты. Помимо небольших сел, то и дело проезжаем военные части, слагабу, вооруженные посты.

Обещанные рекламными щитами единственное придорожное кафе оказалось простой палаткой, кото-

С ЗАПАДА, СЕВЕРА И ЮГА ДЕРЕВНЯ ОКРУЖЕНА КАМЕНИСТЫМИ ПУСТЫНЯМИ

В гостях у гималайских ариев

Лев Боржин

Лев Боржин, Александр Андреев, Центр гималайских научных исследований Санкт-Петербургского союза ученых

Александр Андреев

рую мы проехали. Клепаный железный мост, украшенный буддийскими флажками, выглядел как крейсер на параде. За мостом — развилка дорог, под ним валуны, белая стремнина, чистейший горный поток — река Дах.

Вскоре появился первый указатель расстояния до деревни Дах (или Дха). Ее английское написание варьировало: то *Dah*, то *Dha* (буква *h* в Ладаке не произносится), а в литературе она фигурирует как *Da* и *Dha-Hannu*. Стало ясно, что сама деревня где-то рядом.

Солдат в камуфляжной форме, с каской на голове и индийской самозарядной винтовкой в руках любезно пояснил, что ехать следует по правой дороге. Зигзагами она уходила в боковое ущелье вверх, несколько раз пересекая речку. Уклон становился всё круче, а вершины гор всё ближе. Но вот остановка, вновь колючая проволока, шлаг-

товой дороги, мы оказались на небольшой площадке с растекающейся ручьево́й водой. Ее край был обнесен колючей проволокой, а дальше шли плотные заросли кустарника и деревья. Тупик! Лишь среди огромных валунов на склоне одиноко стоял вполне современный домик с закрытой дверью... и больше ничего и

никого! Возникло досадное, тоскливое ощущение, что опять заехали не туда. Вдруг раздался призывный голос Данилы, самого молодого участника нашей команды. Он успел взобраться на склон и, обнаружив еле приметную тропинку среди камней, углубиться по ней в чащу, где увидел дома.

Главная улица

Перелезаем через ограду, сложенную из прогретых солнцем булыжников и «укрепленную» ржавой колючей проволокой. Пыльной тропинкой спускаемся к опушке ивовых зарослей и... попадаем в другой мир. Первое ощущение — здесь всё хорошо: и тень, и тишина, и спокойствие. Под прохладной сенью деревьев дорожка перешла в деревянные мостки, и вскоре нас приветливо

Ущелье Инда: южная граница селения Дах

баум. Наш водитель Ясир обеспокоенно объявил: проезда дальше нет, запретная зона.

Время шло, мы были голодны, до Каргила далеко, а деревня куда-то запропастилась! Вынужденно повернули назад, решив, что, видимо, не судьба встретиться с потомками древних ариев, и вдруг увидели на едва приметной развилке, которую почти уже проехали, стрелку на небольшом камне близ дороги со словом *Dah*. Да! Это был приятный момент, все сразу оживилось и стали показывать водителю, куда надо ехать.

Через несколько минут, после нескольких поворотов тенистой грун-

Буддийский монастырь в арианской деревне

встречали подросток и появившийся мужчина, жестами приглашая усталых путников посетить их!

На шею симпатичного кудрявого юноши висел амулет с рогатой головой яка. Видя наше любопытство, нам тут же объяснили, что это символ (пожелание) крепкого здоровья. Как потом выяснилось, юноша был непальцем, подрабатывающим в Индии. Его хозяин Mr. Sonam назвал себя *арием* (Aryan).

Сразу возник вопрос об отдыхе и обеде. Мы сказали, что очень торопимся, и в результате нам предложили приготовить отварной рис с добавками (своего рода вегетарианский плов), а также чай с лимоном. На вопрос о местной, арийской еде нам ответили, что ее (*para*) долго готовить, не менее часа-полтора. Так мы остались без *паны*.

Рядом с «рестораном» в виде нескольких столиков под навесом от солнца находился двухэтажный гестхаус (семейный отель), выкрашенный в голубой цвет. Он назывался *Макспон* и, судя по визитной карточке, располагался в *Aryan Valley* («Арийская долина»). Похожим словом в прежние времена назывались правители (*tagspons, maqpons*, или «князья») деревни Дах [2].

Пока готовилась еда, мы разбрелись в разные стороны для осмотра деревни. Ее западная окраина с гестхаусом была укрыта тенью ореховой рощи. Дорожка привела к белому чортену (ступе), за которым стоял небольшой буддийский храм с крупным красным молитвенным цилиндром перед входом, который был закрыт. Рядом находился чистенький лазарет, который также был безлюден. Соседняя территория, поросшая травой, состояла из множества небольших ячеек, разделенных невысокими каменными стенками. Это были защитные ограды от всегда голодного скота.

Селение Дах находится в нижнем течении одноименной реки, правого притока Инда. Здесь крутой и пустынный склон Ладакского хребта, гребни которого уходят ввысь до 5000–5200 м, образует слегка наклонную пологость, лежащую на уровне 2775–2780 м. Ее протяженность достигает 1100 м при ширине в 150–200 м. На юге и западе этот уступ обрывается глубокими пропастями к Инду и реке Дах, а на восточной стороне полого спускается к дороге. Верхний его край занят постройками, нижняя же часть — под садами и небольшими участками полей.

Само селение утопает в тени высоких деревьев. Садовые участки разделены кружевом каменных изгородей в пояс высотой, среди которых проложены извилистые пешеходные тропы. Вдоль края пропасти из валунов сложена стена повыше. За нею — провал, в глубине которого шумит мутный Инд; его русло лежит на высоте 2715 м. На полевых участках сельчан колосится ячмень, цветет донник.

Деревня вытянулась среди деревьев вдоль «улицы», незаметной из гестхауса. Это дорожка, местами очень узкая, грязная и мокрая, проходящая между камней вдоль неширокого арыка, проложенного по верхней кромке садов. По одну сторону от нее располагаются каменные жилые дома и хозяйственные постройки, а по другую — сады, небольшие поля, места сбора воды и т.д.

При некоторой фантазии эту тропку можно было бы назвать бульваром, будь она попросторнее. Впрочем, ее ширина достаточна, чтобы разойтись двум прохожим с заплечными корзинами или прогуляться в ряд трем подросткам. Причудливое кружево валунов и каменных оград образует своеобразные сады камней, а если точнее — сады среди камней.

Если больница, буддийский храм и гестхаус выстроены с применением железобетона, но другие строения деревни, которые мы видели, были традиционно глинобитными. Невысокие дома в 2–3 этажа с плоскими крышами, стенами из серого кирпича-сырца и деревянными (тополёво-

ивовыми) перекрытиями. От домов тибетского типа на высокогорьях Ладака они отличались увеличенного размера окнами (климат теплее) и отсутствием окрашенных в темные тона наличников. На крышах, как всюду, сено, кизяк, хворост и другие припасы сельского обихода. Однако на стенах приметы нашего времени — тарелки спутникового телевидения.

Узкие проходы между домами вымощены булыжником и укрыты крышами из тополя и тальника. По тенистой «эспланаде» снуют дети, молодые женщины, изредка мужчины, но чаще всего старухи. Головы у них были необычно украшены корзиночками с яркими букетами живых или слегка подсушенных цветов, оранжевых корбочек перца. Заплетенные среди кос, они дополнялись связками бус на шее, серьгами в ушах и красочными лентами на платьях. Такие украшения характерны именно для ариев и в других районах Ладака не встречаются. Среди садовых прогалин эти «цветочные композиции» мелькали, как оперение тропических птиц.

На тенистом перекрестке «главной улицы» нам повстречался молодой человек, неплохо говоривший по-английски и подтвердивший, что он местный житель из ариев. Узнав, что мы из России, стройный черноволосый Дордже (Dorje) с удовольствием, но не спеша и с достоинством ответил на все наши вопросы. Выяснилось, что с русскими он общался на Гоа, где работал как-то зимой.

Историю своего народа приветливый Дордже рассказывал так, словно она проходила у него на глазах. Казалось, что мы ведем разговор с самой вечностью. Вот что удалось узнать от нашего собеседника (задаваемые нами вопросы опускаем).

Письменных документов (хроник) в селе нет, но свою историю они ведут от времен Сикандера (то есть Александра Македонского!), когда им пришлось переселиться на берега Инда с запада, с территории, ныне относимой к Пакистану. Примерно 250 лет назад арии Дах приняли тибетский буддизм. Сам Дордже также происходит из буддийской семьи, и поэтому у него буддийское имя (как нам показалось, сказано это было с некоторым сожалением или грустью в голосе).

Всего в деревне 38 (по сведениям хозяина гестхауса, 35) домов-семейств, то есть более 200 жителей. Однако сейчас мужчин в деревне почти нет: одни летом уходят на горные пастбища, другие нанимаются на работу в индийскую армию или уезжают на заработки. Селяне говорят на своем языке, называемом *брокпа* (Вокра); он непонятен другим этническим группам Ладака, что подтвердил и наш водитель-ладакец [3].

Раньше жители деревни охотились на ибесков (диких козлов), но сейчас это происходит редко из-за буддийских запретов. Поэтому они преимущественно земледельцы и пастухи. Скота стало мало, и жители вынуждены заниматься сельским хозяйством и садоводством, выращивая ячмень и даже виноград, из которого делают вино для домашнего потребления. Нашу просьбу попробовать напиток вежливо, но твердо отверг, сказав, что вряд ли нам понравится.

Растут также абрикосы, персики, яблони, сливы, шелковица, миндаль, грецкий орех. Часть урожая продают. Сама деревня и сад неразрывно связаны, и такой дизайн характерен для ариев.

Местный климат в целом неплохой. Летом температура поднимается до

Жилые дома ариев (фасад)

+30 °С. Морозы бывают сильные, до -20 °С; снег лежит с ноября по март. Поэтому значительную часть года село изолировано. Зимой жители, не уехавшие на промысел, в соседние села не ходят и живут припасами.

Дордже подчеркнул, что жители Даха заботятся о своей этнической

реки Hanu Chu, правобережном притоке Инда. На праздниках молодые знакомятся, потом женятся...

Первый иностранец (француз) появился в деревне

Сад среди камней

и культурной идентичности и не поощряют смешение с представителями

в 1915 году. Туристы начали посещать деревню в 1996 году, первые русские — в 1997-м. После Каргильского конфликта с Пакистаном (1999) рядом с деревней обосновалась индийская армия, которая проложила хорошую дорогу, что облегчило доступ к селу. Теперь из Леха можно два раза в неделю приезжать на автобусе.

Мы деликатно спросили Дордже, слышал ли он о немецких экспедициях, якобы посещавших деревню в 1930-х годах. Оказалось, он в курсе. По его словам, у Гитлера из-за неправильной национальной идеологии потом возникли «большие проблемы» (big problems), и он плохо кончил!

В заключение мы услышали, что на днях в деревню приедет русская группа. Выяснилось, что время от времени некая Елена привозит наших туристов в гости к ариям. Жители очень рады этому и устраивают для них и себя праздник: наряжаются, поют и танцуют.

Мимо нас неспеша прошла пожилая женщина. Она устало несла на спине большую квадратную корзину, заполненную ветками с листьями (корм для коз). Такие корзины используются почти везде в Ладаке, но на самом западе в районе Каргила они имеют округлую конусовидную форму. Голова старушки была увенчана красивым букетом. Разрешив сделать фотографию, женщина взамен запросила денег и ушла довольная, унося 10 рупий.

Мы встретили несколько таких щеголих, но все они были далеко не молоды. Наверное, традиция потихонь-

ку отмирает, и молодежь занимается подобной «флористикой» только по праздникам или в случае приезда туристов. Пока же вдоль тропинки бегали дети, а девушки и женщины среднего возраста были в обычной индийской одежде (шальвар-камис и жилетка с какой-нибудь аппликацией на спине).

Откуда же в долине Инда появились арии, относящиеся к индоевропейской группе народов? Историки и этнографы причисляют жителей деревни Дах к группе *дардов* (Dards). Возможно, современные дарды — но-

но ироничному комментарию этого известного специалиста по Ладаку, крошечные существа вполне могли подрасти в слухах по пути из Инда в Грецию.

В настоящее время дарды представлены на западе Ладака двумя группами, сохранившими свой древний язык. Одна из них обитает в районе селения Драс (Dras), а другая — в верховьях Инда. Первые приняли ислам около 400 лет назад, утратив многие черты своей культуры, включая фольклор и танцы. Вторые подверглись влиянию тибетского буддизма, но сумели сберечь культурные традиции. В отличие от дракских дардов, язык дахских ариев отличается от гилгитского диалекта, что говорит об их долгой изоляции.

Жители деревни Дах с их старинными традициями давно привлекают внимание исследователей [4]. Согласно А. Франке, раньше в этой деревне раз в три года, а иногда и чаще проходил праздник, позволявший местным дардам на время позабыть, что они долго находились под властью тибетцев или правителей клана Догра. На несколько дней селяне становились «сами собою», пели ностальгические гимны о прежних славных временах, вспоминали названия местностей в долинах Инда, некогда им принадлежавших, в том числе и к востоку от города Лех.

Дарды-арии оказали заметное влияние на развитие Ладака. Почему же они практически исчезли? Скорее всего, их потеснили монголоидные племена, пришедшие из Западного Тибета. До принятия буддизма они были приверженцами шаманистской религии *бон* и вели отнюдь не мирный образ жизни. В сказаниях о закате дардов повествуется, как они отказались повиноваться тибетскому правителю, пожелавшему сделать их рабами. Осажденные в замке, лишённые еды и воды, гордые дарды собрались в зале, сдвинули камни под колоннами и погибли под рухнувшими сводами. Последние тибетские цари запрещали дардам говорить на родном языке и платили доносчикам, сообщавшим о тех, кто нарушал запрет.

Возможно, исчезновение дардов происходило и менее драматичным путем. С ростом численности тибетского населения дарды отступали к западу, а в их обычаях всё более укоренялась тибетская культура. Однако их тибетский буддизм и по сей день включает элементы более древних религиозных представлений.

1. Dewân P. A History of Ladâkh, Gilgit, Baltistan. 2nd impression. New Delhi: Manas Publications, 2011. P. 23, 133.
2. Francke A. H. A History of Western Tibet. One of the unknown empires. Delhi: Pilgrims Book PVT. Ltd., 1999. P. 48.
3. Брокпа — буквально с тибетского переводится как «обитатели высокогорий». Согласно лингвистам, в деревне говорят на особом изолированном диалекте даххану бесписьменного языка шиня (Shina), относящегося к восточной подгруппе дардских языков. Последние являются продолжением индоарийских диалектов древности и тесно связаны с индоарийскими языками, возможно образуя их подгруппу. См.: Языки мира. Дардские и нуристанские языки / ред. Эдельман Д. И. М.: Индрик, 1999. С. 14–15, 37–38. Ладакские варианты шиня называют также broksakt. См.: Carla F. Radloff. The dialects of Shina // Sociolinguistic Survey of Northern Pakistan. Vol. 2. Languages of Northern Areas. Islamabad, 2002. P. 99.
4. См. также: Bhasin V. Social change, religion and medicine among Brokpas of Ladakh // Ethno-Med. 2008. Vol. 2. N. 2. P. 77–102; Eakins N. Ladakh. A photographic journey. New Delhi: Hanish & Co, 2009. P. 63–68.

ТрВ-Наука — информационный партнер СПбГУ по Гималайскому проекту.

Все фото — А.В. Андреева, 29 июня 2015 года

Головные украшения арианских женщин

других народностей. Чтобы избежать близкородственных браков, невест или женихов находят в соседних арийских селениях, где говорят на том же языке, например в деревне Hanu Thang и других, расположенных в долине